

Помощь
моя
МОЯ

САГАТА ЛЕЛЬ

Агата Лель

Потому что моя

<https://litres.ru/74463707>

Аннотация

– Ильяс Таирович, вам звонят... Это очень срочно. – У меня важное совещание, пусть перезвонят позже. – Это из больницы... Багиров поднял хмурый взгляд на секретаршу. – Из какой еще больницы? – Из первой городской. Они сказали, что... – взволнованно кусая губу, запнулась. – Они сказали, что у них ваша жена... И она рождает. Ему показалось, что кто-то из всех сил ударил его в солнечное сплетение, а потом резко взял на удушающий. – Пошли их, – резко отрезал он, сжимая до боли челюсть. – И номер заблокируй. – Но... – Моя жена не может сейчас рожать! – проговорил сквозь зубы. – Потому что ее давно нет в живых.

Эксклюзивно на Литнет! Однотомник

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	9
Часть 3	14
Часть 4	20
Часть 5	27
Часть 6	37
Часть 7	42
Часть 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Часть 1

– Ильяс Таирович, вас все уже ждут в конференц-зале. Генподрядчик, главный инженер... Земцов тоже здесь.

– Подождут, – отрезал Багиров, и секретарша, кивнув, поспешила скрыться с глаз босса.

Багиров был тем самым боссом, работать под началом которого было не только уникальной честью, но и тем еще испытанием на прочность.

Требовательный к мелочам, даже где-то дотошный, не допускающий вольностей на рабочем месте и всегда одетый с иголочки "хмурый бог". Дурацкое прозвище прицепилось к нему пару лет назад и на самом деле идеально ему подходило.

Багиров не любил реверансы и бесполезную суету, предпочитал действовать твердо, четко и сразу по делу. "Бизнес не терпит клоунаду" – правило, которого он придерживался. И догма работала – за несколько лет из обыкновенного застройщика средней руки он стал известным девелопером, в портфеле которого было уже несколько десятков мегаудачных проектов. Благодаря природной чуйке и правильному подходу к ведению большого бизнеса, название его фирмы мгновенно стало раскрученным брендом, которое успешно тиражировали в СМИ как в родной стране, так и за ее пределами.

Каждый хотел стать частью "Армады", так как одно это слово автоматически сулило небывалый успех.

Багиров об этом знал. И поэтому знал себе цену. "Не выше и не ниже рыночной. Но по карману только олигархам" – шутил его друг и партнер Артем Панарин.

Багиров знал, что сейчас тот отдувается за него, развлекая гостей в конференц-зале. Роль "придворного шута" очень ему подходила и ничуть не обижала. Можно было бы уже и самому пойти, но руку грела чашка все еще недопитого кофе. Тот самый момент, который нельзя отложить.

Багиров любил хороший кофе. Любил красивый вид из окна. Надежные автомобили. Скорость. Риск. И очень любил горы, страсть к которым чуть меньше года назад разделила его жизнь на "до" и "после"...

– Ильяс Таирович... я прошу прощения, но Земцов сильно торопится... – снова робко постучалась секретарша Маша. Хотя точнее будет "поскреблась".

Работала она отменно и поэтому достойно зарабатывала. Еще она всегда хорошо выглядела и была немножко влюблена в своего босса. Впрочем, как и вся женская половина его немаленького штата.

Багиров нравился женщинам. Им нравилась его мужественность. Его верность принципам. Упорное стремление добиваться целей. Удивительно, но им даже нравилась его закрытость, ведь каждая считала, что именно она станет "той самой", что растопит сердце железного дровосека. Но то, что

путь к его сердцу тот еще непроходимый лабиринт знала далеко не каждая.

#####

В конференц-зале Панарин отдувался как мог: скинув пиджак, летал по помещению, демонстрируя слайды с будущими проектами. Он умел зажигать и быть в центре внимания, правда, когда появлялся Багиров, "центр тяжести" одерживал верх.

Вот и сейчас взгляды всех устремились к вновь прибывшему. Последнему. Но отнюдь не по значимости.

– Всем добрый день. Артем Игоревич, выдыхай, – улыбнулся одними лишь уголками губ Багиров, а это уже было подобно наивысшему признанию в беззаветной любви.

– Ильяс Таирович, самолет же, ну! – бросился возмущаться Земцов – главный инвестор, который с закрытыми глазами всегда вкладывался в любой проект "Армады". – Жара еще такая. Что тут у вас с кондиционерами?

Тучный и не в пример Багирову чрезмерно суетливый мужчина любил поворчать, но делал это так, что никто не обращал на него внимания.

– Артем, переключи на проект, не будем задерживать Ивана Дмитриевича, – дал добро Багиров, и огромный экран заняла лаконичная вывеска "Армады". Опустившись на свое дорогое и невероятно удобное кожаное кресло, Ильяс взял в руки приготовленную папку. – Каждый из вас получил от меня вчера на почту предварительный проект, где указаны

все расчеты. Так же на столе перед вами лежит распечатанная копия...

Когда в дверь постучали, Багиров уже точно знал, кто. Так может стучать только Маша.

– Ильяс Таирович, прошу прощения, но вам звонят... Это очень срочно.

– У меня важное совещание, пусть перезвонят позже.

– Это из больницы...

Багиров поднял хмурый взгляд на свою секретаршу, ощущая, как где-то в глубине души начало клубиться нехорошее предчувствие.

– Из какой еще больницы?#####

– Из первой городской. Они сказали, что... – взволнованно кусая губу, запнулась. – Они сказали, что у них ваша жена... И она рождает.

Ему показалось, что кто-то из всех сил ударил его в солнечное сплетение, а потом резко взял на удушающий.

В зале повисла неживая тишина. Даже Земцов заткнулся, сразу же забыв про свой рейс и потные подмышки.

Жена? Да еще рождает?!

Какая мразь решила так над ним пошутить? Есть у этого человека хоть капля святого!

– Пошли их нахер, – грубо отрезал он – что для него было просто невыносимо. Сквернословить при людях, с которыми ведет бизнес, да и вообще, показывать какие-то эмоции... – И номер заблокируй.

– Но...

– Моя жена не может сейчас рожать, – сквозь зубы прошипел он, изо всех сил стараясь не растерять последние крупицы самообладания. – Потому что ее давно нет в живых.

Часть 2

– Может быть все-таки чей-то розыгрыш? – предположил Артем, когда когда они выпроводили всех и, наконец-то, остались в кабинете одни.

Признаться, не смотря на смуту, справился со своей задачей Багиров как всегда отменно. Расходились все пусть и слегка растерянными (каждый был в курсе случившейся в жизни Ильяс драмы), но контракт был подписан.

– Если розыгрыш, то чей? – задумчиво спросил Багиров.
– Кому это может быть нужно?

– Да черт его знает. Может быть конкуренты решили сбить с толку или просто какие-то отмороженные идиоты ради минутного хайпа. История ведь была громкой, везде же трубили, только ленивый не читал.

– Все юмористы отвалились после официальных похорон. Зачем сейчас ворошить?

– Вопрос хороший.

Да, Ильяс напрочь отказался отвечать на тот звонок и пришел в ярость от подобной дикости, но думать об этом тем не менее не перестал.

А что если вдруг?.. В порядке бреда, все-таки это... она? Его Наташа.

Девять месяцев ее нет в живых. И женщина, что якобы

лежит сейчас в первой городской, рождает...

Это немыслимо. Невозможно. Наташи больше нет! Иллюзии остались далеко в прошлом.

Первые месяц, два, он, съдаемый чувством растерянности и вины, все еще надеялся, что это какая-то нелепица, что вот-вот она объявится, найдется. Что все происходящее чудовищная ошибка. Но потом пришло смирение – этого не будет. А значит, нужно жить дальше.

И он жил. Он же хмурый бог. Железный человек.

И тут этот странный звонок, который перевернул все с ног на голову.

– Может быть тебе съездить туда? – осторожно предложил Панарин, опустив ладони на кожаные подлокотники кресла.

– Куда? – отвлекся от размышлений Ильяс.

– Ну, в больницу эту. Разузнать подробнее.

– Так это же даже не в нашем городе. Двести десять километров в одну сторону, три с лишним часа по нашим пробкам. Из-за тупой шутки какого-то идиота? Ты серьезно, Тем?

– Ну или хотя бы позвони. Расспроси. Чтобы окончательно перечеркнуть и забыть. Ты же все равно не перестанешь крутить в голове, я же тебя знаю.

И Багиров переступил через себя, позвонил. Спросил, что за женщина, откуда она.

Ему сбивчиво ответили, что она попала к ним без сознания – упала на улице, равнодушные вызвали "скорую". При ней паспорт был, на имя Багировой Натальи Витальев-

ны.

– А сама она что говорит? – нервно перебил Ильяс.

– Да ничего она не говорит. Плохо ей было, вкололи обезболивающее, спит. Пиелонефрита у ее приступ был, на ее сроке вещь неприятная.

– А мой номер тогда откуда у вас, раз спит?

Оказалось, какая-то санитарка вспомнила громкие новости, как у известного застройщика из столицы пропала жена. И по фотографии в паспорте точь-в-точь она, девушка из тех статей. Даже отыскиали в интернете, сравнили – точно она. Ну а дальше найти номер его компании не составило большого труда.

– А женщина эта похожа хоть на женщину с фотографии? – Багиров почувствовал, что испытывает так редко посещаемое его волнение. – Это точно она?

– Да вроде бы она. Она же беременная, молодой человек, с почками проблема, отеки. Да и без косметики... Вы приезжайте, вот сюрприз будет ей. А... вознаграждение нам какое-то полагается?

Ильяс понимал, что затея откровенно бредовая – ехать на ночь глядя непонятно куда, в какой-то Богом забытый город, чтобы просто убедиться, что это не она.

Не может быть эта женщина ею. Никак!

– Не поеду никуда! – подумав, отрезал Багиров. – Уверен, что если это и не розыгрыш, то какое-то нелепое совпадение. Нелепое и откровенно жестокое.

– А если нет?

Вот Панарин как никто умел сбивать с пути истинного. И сеять зерно сомнений там, где дело было более чем ясным.

– Ты же искал ее столько, вспомни. Раньше бы ты и в соседнюю страну не раздумывая полетел, чтобы убедиться.

– Это было раньше. Тогда я не знал, где она и что с ней. А сейчас знаю.

В месте, где живые лишь мимоходом. Где тихо. И куда точно не хочется возвращаться...

– Я бы не был таким категоричным, – гнул свое друг. – И сам прекрасно знаешь, что я имею в виду.

– И почему она тогда домой не вернулась? – сорвался-таки Ильяс. Он не выносил неопределенности, хаоса. Да и чувство вины вдруг обострилось с новыми силами. – Какого хрена осела где-то в периферии, имея здесь абсолютно все? Дома, машины, связи, лучшее медицинское обслуживание... Разве Наташа бы так поступила, скажи? Не она это. Я знаю абсолютно точно.

– Но ты даже не видел ту женщину из больницы.

– Плевать. Я знаю!

– Но откуда?

– Наташа не могла иметь детей. Она была бесплодна.

Слова дались с трудом. Это та часть его личного, о чем он предпочитал не распространяться. Даже Артем не знал, чему сейчас был немало удивлен.

– В ту нашу последнюю ночь мы сильно поссорились, в

том числе и из-за этого тоже, – подавил тяжелый вздох Ильяс и, ослабив узел галстука, подвел под беседой категоричную черту. – Так что я понятия не имею, кто такая эта Багирова, но уверен в одном – это точно не моя жена.

Часть 3

Спустя три с половиной часа Ильяс зашел в пустынный коридор первой городской больницы города Исаевск. Полутемный, убогий, с ремонтом еще советских времен. Лишь современные пластиковые окна с торчащими пузырями засохшего утеплителя говорили о том, что здесь тоже пытаются идти в ногу со временем.

– Доброй ночи, – постучал костяшками пальцев в окошко дежурной медсестры и, согнувшись в три погибели (с его-то ростом метр девяносто три!), заглянул внутрь. – Могу я поговорить с доктором Мальцевой?

– Ой, здра-авствуйте, – тут же расцвела ночная сестричка. – А мы вас ждали.

Видный мужчина по ту сторону стекла ей очевидно понравился и, судя по реакции, она сразу поняла, кто это.

– Инна Сергеевна в своем кабинете. Давайте я вас провожу, – убрав за миниатюрные ушки выпавшие из низкого хвоста волосы, резво выскользнула из-за стойки и нарисовалась рядом с Багировым. – Все-таки вы приехали, как хорошо! Представить не могу, как Наташа обрадуется.

От одного лишь упоминания имени его жены в контексте живой и невредимой, вдоль позвоночника пробежал суеверный холодок.

– Вы не сказали ей обо мне?

– Нет, что вы! Вы же просили.

Да, он просил. Подумав, Багиров решил, что Артем прав – он не сможет спокойно жить, понимая, что не съездил. Даже не попытался... Снова позвонил в больницу, связался с врачом "Наташи" и сказал, что приедет. И нет, до утра ждать он не будет.

В то, что эта девушка его жена, он по-прежнему не верил. Ну не верил и все! Да, прошли не долгие годы, но этих месяцев хватило, чтобы смириться с действительностью. Она просто не могла выжить в тех условиях. Это невозможно.

Багиров не был человеком, который до последнего цепляется за соломинку, он был прагматичен до мозга костей и не верил в чудеса. Только в факты. А поехал... просто потому что должен был удостовериться. Сам. Лично. Не Панарин, не кто-то из помощников – сам.

– Что она делает сейчас? – спросил, вышагивая рядом с медсестрой, которая дай бог едва доходила ему ростом до лопаток.

– Инна Сергеевна?

– Нет. Та... Наталья.

Назвать ее своей женой он не мог.

– Так ночь же. Спит, наверное. Мы ей обезболивающее вкололи, – и словно оправдываясь: – Не волнуйтесь, все разрешенное беременным! Да, лучше бы без этого, конечно, но раз выбора нет...

Их нестройные шаги эхом отражались от окрашенных

бледно-зеленой краской стен. Ужасная больница. Просто склеп.

– А вы долго искали ее, да? – окрыленно спросила девушка, явно воспитанная на ярких историях любви каких-нибудь витиеватых турецких сериалов. – Сколько по времени?

– Несколько месяцев, – сухо отрезал Багиров.

Ее зовут Вера. Вера Соколова. Это он прочитал еще внизу, на приколотом к почти плоской груди бейдж.

– А почему бросили искать?#####

– Потому что ее признали погибшей.

Человек, незнакомый с Ильясом, непременно бы решил, что у этого робота просто нет сердца. Как можно быть таким спокойным, даже хладнокровным в данной ситуации?

Но человек бы просто не знал, что переживает Ильяс в глубине души. Той ее части, скрытой от всех. Плохо изученной даже им самим.

Осознание, что где-то здесь, в этих убогих стенах, может находиться его Наташа... оно буквально сбивало с ног. Вселяло надежду и пугало одновременно.

Да, их жизнь далеко не была похожа на сказку. Да, он плохо обошелся с ней, а она плохо обошлась с ним. Но он отдал бы все, чтобы она действительно оказалась жива. И даже не потому что до сих пор любил, а потому что он был за нее в ответе. Он женился на ней, клялся и в горе и в радости... Но не сберег. Не смог.

Не получилось...

– Инна Сергеевна, – постучала в дверь Верочка и, заглянув внутрь кабинета, кивнула на мужчину по правую руку.
– Вот. Приехал!

Врач, на вид далеко не молодая женщина, но которая очевидно все еще юна душой, ловко выпорхнула из-за своего стола, и алые губы растянулись в широкой, чуть кокетливой улыбке.

– Илья Таирович, как мы рады вас видеть!

– Ильяс, – сдержанно поправил он. – Где Наталья?

– Я провожу вас до ее палаты. Вера, а ты иди. Не бросай так надолго пост. Иди, – махнув рукой, прогнала сестричку словно назойливую муху. А сама пристроилась рядом со столичным гостем.

Аромат ее некачественных удушающих духов сразу же ударил по рецепторам Багирова. Рецепторам настоящего аптекарского эстета.

Он никогда не был бабником, не менял женщин как перчатки, но если заводил отношения, это неизменно были *дорогие* женщины. Красивые, образованные, утонченные. С прекрасным вкусом.

Ни одна из них под страхом казни не нанесла бы на себя подобную дрянь.

– После вашего звонка мы Наташеньку в одиночную палату перевели, – гордо поведала она таким тоном, словно совершила героический подвиг. – Она у нас всего одна, после ремонта как раз.

– Как чувствует себя... девушка?

– Нормально, если учесть ее состояние и внушительный срок. У нее с почками проблемы, очевидно до беременности еще были. А сейчас все усугубилось. В ее состоянии это не редкость.

За исключением проблемы с зачатием, у *его* Наташи было отменное физическое здоровье. И уж тем более она никогда не жаловалась на почки.

Хотя, если учесть, при каких обстоятельствах она пропала... Все может быть.

– Какой у нее точный срок?#####

– По УЗИ ориентировочно сорок недель. Мы тут консилиум собирали, думали сделать кесарево сечение, но решили подождать. Не смотря на срок матка спокойна, раскрытия нет, ребенок абсолютно здоров. И плюс Наталья слезно просила дать ей возможность родить самой.

– Вы говорили, что она все время молчала, – чуть замедлил шаг Багиров.

– Ну да, о себе ни слова. А вот о ребенке говорила много. Что будет рожать только сама, что категорически не дает согласие на кесарево. В общем, типичная тревожная роженица. Но вы не переживайте, мы с ней очень бережно. Как с родной, – и помолчав: – Вообще, это прямо-таки чудо какое-то! Спусти столько времени отыскать. Живую!

– Вы точно ничего не говорили ей о том, что я приеду?

– Ну что вы! Мы же профессионалы своего дела, – и ко-

кетливо поправила завитую буклю. – Пожалуйста, вот сюда, – взмахом руки указала на резко контрастирующую по отношению к другим дверь. Если остальные просто деревянные крашенные, то эта из дешевого шпона, оклеенного "под дерево". К тонкими вставками из матового стекла.

Ну прямо палата-ВИП.

– Я мешать вам не буду, пойду. Разговаривайте сколько хотите, никто вас не потревожит. Но если что – звоните, номер мой у вас есть.

И ушла, периодически оглядываясь. И наблюдая, как Багиров стоит у двери, так и не решаясь зайти.

А решиться было сложно, что было на него не похоже. Казалось бы – просто дверь – открывай, заходи.

Что если это не она?

А если наоборот?

Девять месяцев назад она пропала. Три – как он ее официально похоронил. Эта дверь – дверь и в прошлое и в будущее одновременно. И он ее все-таки открыл.

В полутемной палате, накрывшись одеялом до груди, лежала женщина. Больничная рубашка в синий цветочек, светлые волосы небрежно раскинулись по подушке.

Овал лица, чуть приоткрытые во сне губы, длинные ресницы...

Не сводя с нее глаз, Багиров ощутил, как ноги налились свинцовой тяжестью. А в груди образовался ком, размером с земной шар.

Часть 4

Девять месяцев назад

Приэльбрусье, Северный Кавказ

#####

Наташа сидела у окна и плакала.

По стеклу бил легкий пушистый снег. Фантастический вид, что открывался из их номера днем, сейчас скрывала ночь. Но не темная – предновогодний курортный поселок был залит огнями. Они переливались на резных заборчиках шале, на украшенном катке, деревянном здании ресторана и на вышке канатной дороги.

В одной руке у девушки был почти допитый бокал красного вина, в другой – дымящаяся сигарета.

Наташа страдала. Она вообще любила пострадать. Придумать себе драму и носиться с ней как курица с яйцом – было ее фетишем. За неимением настоящих проблем она с легкостью их сочиняла и упивалась их фатальной неразрешимостью.

На самом деле Наталья Бродская с самого детства словно сыр в масле каталась. Отец – атташе, вращающийся среди таких высоких чинов, что о них либо никак, либо шепотом. Мать – потомственная балерина. Именно от нее Наташа взяла лебединую статью и грацию. И истеричность, коей была наделена так и не принявшая приход старости прима. Женщи-

на настолько болела своим прошлым: всеобщим обожанием Мариинки, несмолкаемыми овациями Большого, поклонением Парижской оперы, что несколько лет глушила сильными препаратами непроходимую депрессию. Это ее и убило.

Уход матери Наташа приняла тяжело и только знакомство с Багировым вернуло ее тогда к жизни. Она влюбилась как кошка. Она зажглась им. Заболела. Она его *захотела*, и Ильяс это чувствовал. Ему не нужны были слова, он видел все по ее горящим глазам.

Они были не слишком подходящей друг другу, но безусловно яркой парой. Он – молчаливый оракул. Бог строительного бизнеса. Она – настоящая первая леди, что всегда рука об руку с обожаемым мужем...

Увы, Наташа с детства привыкла к роскоши и красивым игрушкам. Они надоедали ей так быстро, что она даже не успевала их запоминать. То же самое случилось с ее внешне идеальным браком.

Ей стало смертельно скучно уже через год. Через два она буквально завывала.

Сначала ей хотелось шумных вечеринок, путешествий, легкости, а Ильяс не мог ей всего этого дать, потому что как мужчина, глава семьи и просто амбициозный человек он потом и кровью возводил свою строительную империю.

Осознав, что на клубах можно поставить крест, она вдруг резко захотела ребенка. Так сильно, что уже через три месяца

да тщетных попыток поспешила впасть в депрессию, что у них ничего не получается. И никогда не получится. Это конец!

Она истерила и обвиняла во всех проблемах именно его, что бесплоден – он, но после тщательных обследований выяснилось, что проблема все-таки кроется в ней. Что-то там с яйцеклетками, которые не созревают должным образом и в нужном количестве, да и те аборты, что она делала во времена шальной юности, неблагоприятно сказались на способности зачать.

И то, что они делались в лучших клиниках Лондона, в условиях полной конфиденциальности, не имело никакого значения...

Вердикт врача – лучшего в стране – был суров: скорее всего вы никогда не сможете не то, что родить и выносить, даже забеременеть. Шанс один на миллион.

И тогда начался ад.

Она сходила с ума, металась из крайности в крайность, рыдала, билась в истерике, начала сильно пить и всяческими способами уйти от реальности. И все это время Ильяс был с ней рядом, а она обвиняла его. Его! За то, что ее мечта никогда не осуществится. Почему-то она считала, что он обязательно бросит ее, найдет другую, способную родить ему пятерых.

С чего она решила, что он хочет большую семью – одному богу известно, но она обвиняла его в этом так упорно,

словно пытаюсь убедить саму себя, что ее муж именно такой. Она даже "застукала" его несколько раз за несуществующей изменой, что становилось поводом для очередного скандала.

"Первая леди", дочь потомственной балерины за несколько лет превратилась в неврастеничку с нестабильной психикой. Специалисты твердили – такая наследственность, это было ожидаемо, неизбежно. Это нужно лечить. За что она прямым текстом посылала их к черту.

Это были тяжелые пять лет. Ильяс так устал. Смертельно. И винил себя. Что, наверное, это он чего-то ей недодал: внимания, ласки, денег, хотя казалось бы, всего было в избытке.

Тогда он решил ее отпустить – может быть где-то "там" она станет счастливой, предложил развестись, а она рыдала в его ногах, умоляя не бросать ее, ведь без него ее жизнь совсем потеряет всяческий смысл.

Наташа была больна. Не физически, но ей требовалась квалифицированная помощь специалиста. А она наотрез отказывалась лечиться. Как и ее мать.

Эта поездка на Эльбрус пришлась на период небольшого затишья. Наташа была в приподнятом настроении, и Ильяс точно знал, с чем это связано – его жена нашла другого. Какой-то мажор, не обремененный обязательствами в виде жены и детей.

Он даже знал, где именно они познакомились – на еженедельных встречах анонимных "элитных" алкоголиков, которые Ильяс самолично заставил посещать свою жену.

Это было... больно. Но пять далеко не самых счастливых лет вытянули из него все соки. Любовь ушла. И его жена сделала свой выбор. Он привез ее сюда, в горы, чтобы в спокойной обстановке, вдали от всех, поставить окончательную точку. Он сделал все, что мог и умывает руки.

Третьего в супружеской постели он не потерпит.

Он не изменял ей никогда, ни разу, и она это знала. Знала, как он относится к подобному и не могла не понимать, чем все закончится, когда трахалась в машине с тем тридцатитрехлетним ублюдком.

У Багирова были принципы и ничто не могло заставить его через них переступить.

– Ты не бросишь меня, нет! – всхлипывала она, вытирая слезы рукавом мягкого свитера. – Ты не сможешь... Мы пять лет вместе. Пять!

– Ты мне изменила, – сухо отрезал Ильяс, почти в таком же как у нее свитере с высоким горлом. – Ты прекрасно знала как я к этому отношусь.

– Это было случайно... Сама не понимаю, что на меня нашло.

– Один раз – это случайность, вы же трахаетесь полтора месяца.

– Ильяс, пожалуйста, – потушив сигарету, Наташа прыгнула с подоконника и подошла к мужу. Попыталась обвить его шею руками, но он увернулся.

Она растоптала все последнее, что еще между ними оста-

валось. Когда он увидел те снимки, где его жена и тот прожигатель жизни занимаются сексом, он понял, что больше ее не любит. И никогда больше не захочет.

– Так будет лучше для нас обоих. Ты станешь свободной. Ты же хотела свободы.

– Больше не хочу! Я хочу быть с тобой! Только тебя!

– Я видел.

– Этого больше не повторится! Клянусь! Ну хочешь, я прямо сейчас позвоню ему и скажу, что все кончено? Хочешь?! – схватив со столика телефон, попыталась дрожащими пальцами разблокировать экран. Но нервы, плюс выпитая бутылка Шато не лучшие тому помощники. – Черт! Черт! Дурацкий пароль!

– Наташ, – Багиров мягко взял ее за руки и аккуратно вытащил телефон. – Не нужно куда звонить, это ничего не изменит. Я все решил.

– Я не люблю его, слышишь ты меня или нет? Он вообще ничего для меня не значит! Я не знаю, зачем спала с ним. Не знаю! Он мне даже не нравится и как мужик он полный ноль! Я просто хотела... ощутить вкус к жизни. Забыться. Не знаю... Не отпускай меня, прошу.

– Я *уж*тебя отпустил, – и положил с легким стуком ее мобильный на тумбочку. – Не волнуйся, тебе достанется все, что положено по закону. Хочешь что-то еще – забирай.

– Я хочу только тебя!

– А вот об этом нужно было думать раньше! – почувство-

вал вдруг, как выходит из себя. – Ты уже не ребенок и тебя давно не нужно опекать. Начни уже взрослеть, наконец! Тебе двадцать девять лет и прошло то время, когда инфантильность казалась милой. Ты взрослая женщина и пора уже принимать взрослые решения! Пора нести ответственность за свои поступки!

– Ах так? Взрослые решения, говоришь? Значит, ты так?!

Подбежав к окну, допила оставшееся вино и швырнула о стену бутылку. Та разбилась, и мелкое острое крошево засыпало пол.

– Да пошел ты, Багиров! Слышишь? Катись куда подальше! Я знаю, почему ты меня бросаешь – потому что я пустоцвет. А признаться боишься, потому что ты трус! Развод хочешь? Избавиться от меня? Считай уже избавился. Поздравляю, ты теперь свободен.

Это были ее последние слова. Правда, тогда Ильяс об этом еще не знал. После ее ухода он, взвинченный до предела, накинул парку и, утопая в снегу, двинулся в сторону гудящего весельем ресторана.

#####

Почему-то сейчас, глядя на эту хрупкую блондинку на больничной кровати, истыканную иголками капельниц, он вспомнил ту самую ночь.

Это была не она. Не его Наташа.

Перед ним лежала пусть похожая, но совсем другая женщина.

Часть 5

Не она...

Ильяс сам не понимал, что именно ощущает.

С одной стороны он хотел, чтобы это была его жена. Потому что чувство так и не прошедшей вины, незавершенного гештальта, не давало ему спокойно спать.

Да, в период их брака он сделал все, что мог и даже больше, чтобы попытаться сохранить отношения. Терпел слишком долго – ее выходки, необоснованные обвинения, истерики, пагубные пристрастия, но даже его железная выдержка имеет границы. Намеренно или нет, но она приложила все силы, чтобы до основания разрушить их брак. Убить то чувство, что еще теплилось где-то на задворках души. Давно не любовь, нет: тотальная ответственность за нее. Может быть жалость. Она запуталась, потерялась, начала делать глупости. Он правда пытался понять и помочь, но измена стала последней каплей.

Говорят, что в том, что рушится брак, всегда виноваты оба. Но Багиров не мог взять в толк, в чем был виноват именно он, как ни пытался.

Если только в том, что просто был не тем, кто был ей нужен. И может быть в том, что не отпустил ее раньше...

Девушка на больничной койке едва заметно пошевелилась. Чуть вздрогнула, затем, не открывая глаз, поменяла по-

ложение руки, заложив ее за голову, от чего широкий вырез простой ситцевой рубашки чуть разошелся, оголяя край левой груди.

Не очень большой, но маняще округлой.

Она беременна, идиот! – отругал себя за скользнувшую фоном истинно мужскую мысль Багиров, и только тогда додумался опустить взгляд на ее живот.

Он был крошечным. И вообще она была такой худенькой... Так сразу и не поймешь, что беременна.

Он не слишком смыслил в анатомии женского тела во время вынашивания ребенка, но разве не должна беременная женщина быть чуточку... крупнее?

Девять месяцев? Серьезно?

Впрочем, какая разница. Это не его Наташа, точно не его ребенок и стоять здесь дальше нет никаких причин. Но он почему-то стоял и почему-то смотрел на то, как она продолжает спать.

Интересно, кто же все-таки эта женщина? Хотя женщиной ее назвать было можно с большим трудом, скорее девушка. Не юная, но и точно не больше тридцати.

Неужели ее никто не ищет?

Где ее муж, родители, друзья?

Впрочем и это его не касалось. Просто полная тетка, да, и такие совпадения случаются в жизни. Пора домой.

И только он собрался тихо развернуться и уйти, она резко распахнула глаза и впиалась в него немигающим пристальным

взглядом.

Багиров почувствовал себя непривычно, то есть крайне по-идиотски.

Стоит ночью в палате беременной женщины и пялится на нее словно малолетний вуайерист. Что сейчас буде-ет! Крики, ругань, разберательства...

Удивительно, но ничего такого не поизошло. Она не завизжала, не принялась бросать в него предметами с тумбочки, она просто молча смотрела на него. А он на нее.

А потом она спросила то, чего он абсолютно не ожидал:

– Это ты?#

Багиров замешкался.

Зачем-то обернулся, словно пытаясь отыскать за спиной, в тишине пустого коридора, этого "ты", потом вернул недоумевающий взгляд девушке.

– Простите, мы знакомы?#####

– А... разве нет?

– Я более чем в этом уверен. Нет.#####

Она снова замолчала, рассматривая его таким странным взглядом, что он в который раз почувствовал себя до невозможности нелепо.

Она смотрела на него удивленно. Вопросительно. Даже где-то ошарашенно. Словно не могла поверить, что он – это он.

Так определенно не смотрят на незнакомых людей посреди ночи в больничной палате. Она словно узнала его. Но они

сто процентов не были знакомы.

– Это вы меня простите, после этих их уколов я слегка не в себе, – вдруг поправила саму себя она и, аккуратно, чтобы не сбить торчащую из вены иглу капельницы, подтянулась на локтях. Теперь она полусидела-полулежала, но смотреть на него не перестала.

Это Багирова даже слегка позабавило.

– Не хотите спросить, кто я и что здесь делаю в такое время?

– А который сейчас час?

– Половина второго ночи.

– Ого! Четыре часа проспала. Что же они мне такое вкололи, – с интересом посмотрела на приклеенную пластырем "бабочку" на сгибе локтя и вдруг кивнула на подоконник. – Не продадите мне во-он ту бутылку воды? Пить очень хочется.

Багиров вошел в палату и сделал то, что она попросила.

Подойдя к ней ближе, чтобы передать воду, сумел легально рассмотреть ее лучше. Может быть где-то совсем-совсем отдаленно она и была похожа на Наташу, но ее лицо было абсолютно другим. Черты лица его жены были правильнее, породистее. Истинно аристократическая голубая кровь: бледная кожа, натуральные светлые волосы, тонкие упрямые губы. Губы этой девушки были сочные, полные.

"Такие приятно целовать", – вдруг снова невпопад подумал он, и сам отшатнулся от собственных бредовых, где-то

даже, наверное, кощунственных в данной ситуации мыслей.

Может быть кто-то незнакомый и мог, не приглядываясь, усомниться издалека – да те же медсестры, но его, человека, что прожил с женщиной бок о бок пять лет, провести небольшой, словно нарочитой схожестью, было невозможно.

– Так кто вы и что здесь делаете? – все-таки спросила она, напившись и вытерев тыльной стороной ладони губы.

– Да так... палаты перепутал, – соврал Багиров. – Жену искал.

– Она тоже беременна?

– Нет, – и ощутил в горле ком. – Она не беременна.

– Простите, пожалуйста, но вы не похожи на человека, который положил бы свою жену в *такую*, – обвела палату критическим взглядом, – больницу.

– А на какого человека я похож?

– Вы похожи на человека, который берет от жизни все только самое лучшее.

Эти ее слова его буквально поразили. Это же его фраза! Его жизненное кредо. Он даже как-то говорил об этом в одном из интервью.

Да, фраза избитая, конечно, но то, что она сказала именно это характеризует именно его – удивительно.

– И с чего вдруг вы сделали такие выводы? – сложил на груди руки, включаясь в беседу.

– У вас пиджак дорогой, – улыбнулась она, – и часы.

И эта ее улыбка...

Этому эффекту есть научное название – дежавю, что в дословном переводе с французского означает "уже увиденное". Когда ты твердо уверен, что ты слышал/видел/испытывал то, что слышишь/видишь/испытываешь сейчас.

Сейчас он испытал это самое дежавю. Он словно уже видел где-то эту улыбку. Вот эту самую! Он не узнал в ней пропавшую жену, вовсе нет, это была улыбка другой девушки, но он понятия не имел, какой именно.

Ну не мог же он раньше уже встречать эту Наталью и напроць об этом забыть!

– Ваши серьги тоже недешевые, – решил отшутиться он, кивнув на капельки бриллиантов в ее миниатюрных мочках.

– Бросьте, – беспечно махнула рукой, – это подделка.

Багиров был уверен, что это не так – блеск настоящего бриллианта не спутать с бижутерией, но решил не спорить. Вдруг она просто испугалась признаться в подлинности камней незнакомцу? Может быть он грабитель.

Грабитель, в костюме от Тома Форда.

Данная мысль рассмешила.

– Странное знакомство, конечно, – снова взялась за крышку бутылки она. – Не больница, а проходной двор.

– Это точно...

Он смотрел на нее и никак не мог понять, почему не может разорвать этот необъяснимый транс. Его словно загнипотизировали. Он просто *не мог* уйти, хотя понимал, что должен. Все это пахло каким-то бредом.

Что не так с этой девушкой?

Или может быть что-то не так с ним самим?

Почему ему так настойчиво кажется, словно он ее уже видел...

– А какой у вас срок? – поинтересовался он. – Извините, наверное, это не слишком тактично...

– Ничего, – успокоила она. – Сорок недель. Понимаю, что размер моего живота вызывает вопросы, но почему-то вот так. Возможно, из-за маловодия.

– Маловодия?

– Не забивайте голову, – снова рассмеялась она, и Багиров почувствовал, что сходит с ума.

Он определенно *знает* эту улыбку. Но знать он ее не может!

Это какие-то игры разума, не иначе.

– Мне пора, – решил уже разорвать этот странный контакт, пока окончательно не сошел с ума. – Всего хорошего вам.

– И вам, – смех превратился в чуть грустную улыбку. – Удачи в поисках жены.

С лица Ильяса сошли все краски.

То есть это тоже просто совпадение?

– Это вы о чем? – обернулся.

– Ну, вы же палату жены искали.

Ее ответ был абсолютно логичным, он действительно сам об этом сказал, но что-то не давало ему покоя. Никак.

Спустя пару минут он уже был у кабинета врача.

Не заморачиваясь со стуком, открыл дверь.

– Ну что? Как прошло? – расцвела доктор, сворачивая в ноутбуке какие-то вкладки. – Наверное, радости не было предела. А говорят, что чудес не бывает.

– Могу я увидеть ее паспорт? – без прикрас отрубил Багиров.

– Паспорт?

– Да, паспорт, – начал терять терпение. – Где он? Он у вас?

– Вообще, документы пациенты при себе держат, но ее да, у меня. Не успели отдать еще, сейчас, – покопавшись в ящике стола, извлекла обычную бордовую книжку. Багиров вспомнил, что паспорт Наташи был обернут в мятного цвета обложку, но ведь ее легко снять... – Вот. Правда, он чуть испорчен. Намочили его как-то, что ли, чернила поплыли.

Не слушая ее, Ильяс открыл документ, и сердце многотонной глыбой рухнуло в пятки – с фотографии на него смотрела его жена. Он сравнил цифры, дату выдачи – все это прочно хранилось в голове, открыл раздел "сведения о браке"

"Багиров Ильяс Таирович", брак зарегистрирован 18 сентября...

Больше ничего не говоря, рванул из кабинета, ощущая, как по венам мчится колющий адреналин.

Коридор, лестница, снова коридор, знакомая дверь из дешевого шпона...

– Откуда он у тебя? – ворвавшись в палату, буквально про-

кричал без намека на вежливость, тыча ей в лицо открытой страничкой с фотографией жены. – Это же не твой паспорт! Это – не ты! Так откуда?

– Вы напугали меня до смерти! – отшатнулась она. Не вра-ла, действительно в глазах читался страх. – Чуть сердце не выпрыгнуло из груди. Разве можно так!

– Откуда. У тебя. Этот. Паспорт! – чеканя каждое слово процедил Багиров.

Дыхание было шумным, быстрым. Тяжелым. Лоб взмок.

– Это мой.

– Нет, не твой! Это, – ткнул пальцем в фото, – моя погиб-шая жена. Ты – точно не она. Отвечай, где ты взяла ее пас-порт?

Она молчала, глядя на него затравленно, вжавшись в угол узкой кровати.

Перегнул, нельзя так. Все-таки она беременна.

– Пожалуйста, – усилием воли сбавил тон. – Просто скажи правду.

Она продолжала упрямо молчать.

– Обещаю, что не вызову полицию и тебе ничего за это не будет. Но я должен знать ответ. Должен, понимаешь? Это крайне важно для меня.

– Я... я не знаю... – пискнула она, пряча бегающий взгляд.
– Не помню.

– Что не помнишь?

– Ничего не помню.

– В каком это смысле ты ничего не помнишь? – снова начал медленно выходить из себя. – Не помнишь, откуда у тебя чужой паспорт? Может быть ты и имя свое забыла?

– Да, забыла! – набралась храбрости она. – Я не помню, откуда у меня этот паспорт, не помню своего имени и как я оказалась здесь я тоже не помню! Я *все* забыла, понимаете? Абсолютно все.##

Часть 6

– И может быть такое?

– Теоретически да, но чтобы узнать наверняка, нужно провести ряд анализов, сделать компьютерную томографию мозга, пройти некие психологические тесты.

Багиров сидел сидел в своем кабинете, а напротив него расположился лучший психиатр, которого удалось только отыскать и экстренно выдернуть с работы. Учитывая, что в наше наполненное стрессами время психиатры буквально на вес золота – задача была не из легких.

Но Ильяс как обычно справился. Для него практически не существовало недостижимых целей.

– Наш мозг – крайне сложный и многослойный орган, его полные возможности не изучены до сих пор. Вы не знаете, что предшествовало потере ее памяти?

– Нет.

– Может быть была травма головы? Стрессовая ситуация? Психологическое насилие?

– Я не знаю, – вздохнул Багиров и потер подушечками пальцем покрасневшие от недосыпания веки. – Она говорит, что сама не в курсе, как именно это произошло. Не помнит.

– А кем вам приходится эта женщина?

– Никем, – честно ответил он.

Доктор посмотрел на его несколько недоверчиво, впрочем, имел на это полное право.

Столько суеты из-за "никого"?

– Мне нужно осмотреть ее. Побеседовать, – резюмировал он. – Только тогда я смогу дать ответы на ваши вопросы.

Багиров не был уверен, что эта "Наталья" разрешит подвергать себя экзекуциям какого-то незнакомого доктора. Не смотря на внешнюю хрупкость и изначально уязвимое положение, держалась она очень стойко. Вчера она до последнегогнула свое.

Она ничего не знает.

Ничего не помнит.

И ответить на его вопросы она тоже не может. Точка. Распросы ни к чему не привели.

Потом ей вдруг стало нехорошо, пришлось позвать врача и, приказав ни при каких обстоятельствах не выпускать ее из больницы, Багиров уехал обратно домой, чтобы как следует подумать, что делать со всем этим дальше.

Паспорт Наташи точно был подлинным. И выяснить, откуда он у этой девушки, Ильяс был просто обязан. Но как это сделать? Не пытаться же беременную женщину каленым железом, выбивая правду!

Нужно выяснить, кто она на самом деле такая. Любым путем! Если у нее документ Наташи, она может быть в курсе, что случилось с его женой.

И это его странное ощущение при виде нее... Какое-то

муторное, непонятное. Словно... словно он знает ее. Или знал когда-то. Но это точно можно было полностью исключить, ведь он, в отличие от нее, провалами в памяти не страдал.

Ближе к вечеру Багиров, вместе с психиатром, снова отправился в соседний город. Он не хотел, чтобы в больнице болтали лишнее, поэтому приплатил докторице за молчание. Чтобы ни она, ни кто другой не задавали лишних вопросов и не совали нос не в свои дела. Врач то ли испугалась его статуса, то ли денег действительно оказалось достаточно, но она сдержала свое слово – встретила их лично у заднего входа, и сама же проводила к палате. Как Багиров и хотел – без лишнего шума.

– Она сегодня самовольно уйти пыталась, представляет? – пожаловалась она, шагая рядом с Багировым на третий этаж ветхой первой городской. – Оделась, обулась... Артистка.

Сбежать хотела, значит. Что-то ты темнишь, "Наташенька".

– Ну, оставлю вас, – и стрельнула быстрым взглядом на солидного психиатра, который внешне напоминал скорее головореза, чем светило наук. – Только пожалуйста, будьте с ней тактичнее. Все-таки она ребенка ждет. Волноваться ей категорически нельзя.

– Не переживайте, – успокоил ее Ильяс, и дал понять взглядом, что ее миссия здесь и сейчас действительно завер-

шена.

Было заметно, что ей крайне любопытно, что же такое происходит, но задавать вопросы она не стала. Возможно, предусмотрительно решив, что лишние проблемы ей не нужны.

А проблемы такой человек как Багиров мог устроить довольно легко.

– Снова ты, – нахмурилась "Наташа", едва он вошел в кабинет. Ни "здравствуй", ни "как дела". И с "вы" решила тоже не заморачиваться. – Ты охрану к палате моей приставил?

– Чтобы ты не сбежала, простая формальность, – дернул плечом Ильяс. – Знакомься, это доктор Стрельцов, он лучший в городе психиатр.

Она коротко взглянула на врача из-под нахмуренных бровей и вернула внимание Багирову.

– Мне не нужен мозгоправ.

– Ты же не помнишь ничего.

– Да, не помню.

– И неужели не хочешь, чтобы память вернулась?

– Может быть я не хочу ничего вспоминать, – тихо про- бурчала она насупившись, но он все равно все услышал.

Он вдруг поймал себя на мысли, что рад ее видеть. Отметил, что она вымыла голову и россыпь блестящих светлых волос струилась по плечам, делая ее довольно привлекательной.

Рубашка тоже была другая, все так же казенная, но сего-

дня уже в мелкий розовый цветочек.

Кем бы она ни была, но она была очень хорошенькой.

– Ян Тимофеевич поговорит с тобой, а я пока выйду. Подожду в коридоре.

– Нам не о чем с ним говорить, – упрямо отвернулась она.

– Я не помню ничего, можете не тратить время.

– И все-таки я вас оставлю.

Его раздражала ее упертость. Слишком уж фантастической была эта вся история. Потеря памяти... Как удобно. Но утверждать, что она непременно врёт он тоже не мог, поэтому и привез сюда Стрельцова.

В ее палате психиатр пробыл ну минут двадцать от силы, а когда вышел, итог его был четок и ясен:

– Я не знаю, кем она вам приходится, что вас связывает и зачем она устроила весь этот цирк, но с уверенностью могу сказать одно – она не теряла память. Все ее утверждения, что она якобы ничего не помнит – ложь, от первого до последнего слова.

Часть 7

Вызывав для психиатра машину, Багиров принял решение остаться. Остаться, чтобы выяснить, кто же она такая. Зачем придумала эту байку про потерю памяти.

Он подозревал это и до вердикта врача, а после его слов удостоверился окончательно.

Кто она, черт возьми такая и какую ведет игру?

Зачем ей паспорт Наташи и где она его вообще взяла?

Слишком много вопросов и ни одного ответа. И это нужно было срочно исправлять. Если понадобится, он просидит здесь всю ночь, но в конце концов выяснит правду!

Постучав пару раз исключительно из чувства такта (все-таки она женщина и женщина беременная), Багиров с чистой совестью заглянул в ее палату.

Девушка полулежала на тощей подушке и смотрела на него из-под угрюмо сведенных на переносице бровей. Но в ее взгляде не было страха, и это было хорошим знаком.

– Зачем ты его позвал? Этого эскулапа.

– Мне нужна правда, Наташ, – называть ее именем жены было странно. Как-то противоестественно. Оно совершенно ей не подходило. Но настоящего ее имени он не знал, а контакт нужно было наладить незамедлительно.

Багиров пододвинул к кровати стул и сел. Максимально близко. Чтобы глаза в глаза. Чтобы увидела, что он не врет

сам и хочет от нее того же – правды.

– Я знаю, что ты придумала свою амнезию.

– Не придумала.

– Пожалуйста, не перебивай меня, хорошо? – максимально мягко попросил он. И ему на удивление легко далась эта мягкость. Почему-то глядя на нее сразу же пропало все раздражение.

Рассеянный свет ночника освещал темную палату, где-то там за окном гудел ветер – внезапно разыгралась непогода.

– Наташ, моя жена пропала, девять месяцев назад. Это произошло в горах, был сильный снегопад, мы поругались, она ушла... – вздохнул. – Ее никак не могли найти, не смотря на то, что подняли все поисковые группы поселка. Лишь концу третьего дня отыскивали ее засыпанную снегом куртку и потерянную варежку возле горной реки... Больше ничего.

"Наташа" молчала, опустив глаза и покусывая нижнюю губу.

– Шансов было ничтожно мало, но я все равно продолжал ее искать. Еще несколько месяцев.

– Ты так сильно любил ее? – вдруг спросила она.

– У нас были сложные отношения, действительно очень сложные. Я хотел найти ее, чтобы не чувствовать свою вину.

– А она была? – впилась в него взглядом. – Твоя вина?

– Хочешь знать, не я ли приложил руку к ее исчезновению? Эта версия у следствия тоже была. К тому же по нашему номеру валялись осколки разбитой ею бутылки, а соседи

слышали крики ссоры. Все выглядело так, словно это я ее убил, а потом замел следы.

– Так это сделал ты?

– Нет, это сделал не я. У меня было стопроцентное алиби, – и поймав ее недоверчивый взгляд, грустно улыбнулся: – Я не рассказывал бы тебе этого всего, будь оно иначе, верно? Я был виноват, безусловно, но только косвенно. Из-за того скандала. Я предложил ей развестись, она разрыдалась, вышла из себя. Она была не трезва и вместо того, чтобы удержать, я ее отпустил. Одну. В непогоду. В совершенно невменяемом состоянии. Я должен был предвидеть.

– Ты не мог знать, что так будет! – с жаром бросилась на его защиту она, что не могло не тронуть. – Она не была несмышленным ребенком и должна была нести ответственность за свои поступки!

– Ты права, да. Права... Но я все равно ощущал себя виноватым.

– Ты до сих пор ищешь ее? – тихо спросила она.

– Уже нет. Спустя полгода ее официально признали погибшей.

– А разве не должно пройти несколько лет?

– Если человек исчезает в угрожающей жизни ситуации, срок максимально короткий. А там были крутые горы и течение реки было слишком сильным...

– Это ужасно, – снова опустив взгляд, прошептала она. – Я сочувствую тебе. Искренне.

– У тебя ее паспорт, понимаешь? – так же тихо как и она прошептал он и взял ее за руку. Она чуть вздрогнула, но ладонь не убрала. – Она ушла с паспортом, он лежал в кармане ее куртки. Когда куртку нашли, паспорта не было. А вчера мне звонят из больницы и говорят, что моя жена – моя мертвая бесплодная жена – рождает! Можешь представить мое состояние?

Ильяс понимал, что эта не та сказка, что рассказывают на ночь беременным женщинам, но он хотел быть с ней предельно честным.

– Ты же понимаешь, что рано или поздно я все равно узнаю, кто ты такая. У меня есть люди, которые могут из-под земли достать информацию о любом, за кратчайшие сроки. Поэтому давай не будем все усложнять, хорошо? Скажи, откуда у тебя ее паспорт. Обещаю, что не вызову полицию, никак тебя не выдам. Если нужно – я помогу тебе. Но я должен знать правду.

Он смотрел в ее глаза и видел, что она колеблется. А еще замечал, что интересен ей. Интересен как мужчина, хоть она и изо всех сил старалась не показывать вида. И это, конечно, играло ему на руку.

– Хорошо, – после долгого молчания произнесла она.

Ее губы были искусаны едва ли не в кровь от волнения, но держалась она очень стойко. И хоть смотреть ему в глаза она по-прежнему не решалась, но Ильяс знал – он всего в одном шаге от правды.

– Ты прав, я не теряла память. Я это придумала просто... просто потому что ты своим появлением застал меня врасплох. Я испугалась,— с усилием сглотнула. — Я расскажу, где взяла паспорт твоей жены. Но боюсь, эта правда тебе не понравится.

Часть 8

Девять месяцев назад

Приэльбрусье, Северный Кавказ

#####

Ильяс, по уши в снегу, злой как черт зашел в шумное заведение ресторана. Не гламурного столичного, где хрусталь, мрамор, вышколенная обслуга, а в небольшой ресторанчик из сруба, где пахло жжеными поленьями из горящего камина, солодом, чесночными гренками

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.